

Смертоносная экспедиция О безусловных героях, хроника трагических дней

Описать словами чувства, которые я испытал; чувства, от которых навертывались слезы на глазах родных, близких друзей и коллег героев моей сегодняшней статьи — всё это описать словами почти невозможно. С 24 июля этого года началась «московская» эпохальная экспедиция на Памир в составе исследователей из Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук (ФИАН), Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), Таджикского национального университета (ТНУ), объединенных в рамках Международного научно-исследовательского центра «Памир—Чакалтая» (МНИЦ—ПЧ).

В тот же самый день, а если быть более точным, в ночь с 23 на 24 июля, в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана развязались ожесточенные бои в ходе спецоперации по поимке убийц генерала Госкомитета нацбезопасности Абдулло Назарова. Только за первый час боев стороны понесли потери в составе 42-х человек убитыми и 63-х ранеными.

В этот самый момент, пересекая границу ГБАО, группа ученых нескольких стран даже не подозревала, что пули и огонь стали властвовать на Памире...

Дорога на Памир. Весь регион
был покрыт снежной мглой.
Что скрывала она?..

За три месяца до злополучных событий я получил любезное приглашение от руководства МНИЦ–ПЧ присоединиться к экспедиции на Памир. О намечающейся экспедиции мы уже писали в ЭБ (№4 (142), «Едем на Памир!»). Главной задачей летне–осенних полевых работ был поиск места расположения новых физических установок и модернизация существующей. Группе предстояли работы на местности, связанные с определением высот, ровности поверхности и угла горизонта, определением дальности водных артерий, логистических и прочих исследований. Одним словом — предстояла крайне интересная задача, а значит, и материал для ЭБ вышел бы насыщенный, и я с радостью согласился влиться в коллектив исследователей. Но ближе к июлю, по ряду причин, я вынужден был отказаться от поездки, о чем крайне сожалел, но позже... в душе, был рад своему отказу, поскольку лучше быть живым и здоровым, чем посмертно героем. Но не буду торопить события, все по порядку.

Группа ученых вылетела из Москвы **23 июля**. Менее чем через сутки, **рано утром 24 июля** на двух грузовых машинах, обладающих большой проходимостью, они пересекли границу ГБАО. По их рассказам, на границе не было видно обычных солдат, хотя прежде именно рядовые обеспечивали пограничный досмотр. Вместо них осмотр вели полковники (!). Но никто из них ни единым словом не обмолвился, что в регионе уже не спокойно. Спустя месяц местные жители признались, что буквально в тот же самый час, после проезда наших коллег через границу, ее закрыли на въезд в регион.

Как мне рассказали в Минобрнауки России — в двенадцатичасовой интервал, после начала боевых действий, с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном по телефону связался Председатель Правительства России Дмитрий Медведев и потребовал в ультимативной форме обеспечить безопасность россиян на Памире. Из Душанбе пошел незамедлительный приказ об эвакуации россиян и

прочих иностранцев с территории ГБАО. Здесь я обращаю ваше внимание на то, что у меня нет никаких сомнений в том, что с терроризмом необходимо бороться, а также в том факте, что официальный Таджикистан прикладывал все усилия к минимизации жертв среди мирных граждан и иностранных подданных. Но почему наши коллеги остались без учета, почему эвакуация российских ученых не была обеспечена — это вопросы, на которые еще предстоит ответить властям.

Информация о военной операции против полевых командиров долетела до светской Москвы очень быстро. **24 июля**, узнав о несчастье, я был встревожен, но не стал ни с кем связываться, надеясь получить весточку от руководителя экспедиции, директора МНИЦ–ПЧ Александра Сергеевича Борисова. В то время он был еще в Москве, решал административные вопросы и планировал чуть позже присоединиться к памирской экспедиции. Я знал, что у группы есть спутниковый телефон и у них будет возможность выйти на связь. Но ни звонков, ни сообщений по электронной почте от них в тот день я не получил. Уже позже, в сентябре, участники экспедиции рассказали о том, что погода, на удивление, была сырой, облачной, с сильными ветрами (Памир славится хорошей погодой для астрофизических наблюдений). Поэтому возможности подзарядить телефон от солнечных батарей не было, а использовать дизель–генератор сразу не удалось. К тому же, спутник системы «Иридиум» проходил над территорией эпизодически и очень быстро уходил из зоны доступа.

В тот же день, 24 июля, перед посольством Таджикистана в Москве проходят манифестации этнических памирцев. СМИ сообщают о более чем ста (!) убитых мирных жителей. BBC–Russian приводит слова очевидцев, что среди жителей Душанбе наблюдается паника, не работают государственные учреждения, центральный рынок и магазины. Александр Сергеевич Борисов целый день тщетно пытается выйти на связь с памирской группой...

В полдень 25 июля со мной связался многократный участник прошлых экспедиций на Памир, профессор физического факультета МГУ Сергей Игоревич Свертилов с расспросами о том, что же происходит на Памире и почему никто не выходит на связь с Москвой. Я сразу же стал обзванивать руководства научных организаций, командировавших ученых. По телефону я слышал лишь отрицательные ответы. Потом я стал обзванивать родных и близких членов экспедиции с надеждой о хорошей весточке. Но в ответ по телефону кто-то всхлипывал, кто-то тревожно заикался... Всех нас объединяло лишь одно ненавистное незнание ситуации и гнетущая тревога.

26 июля я стал звонить в Министерство иностранных дел России. На другом конце провода меня просят перезвонить позже, так как «координационный штаб не обладает полной информацией, поскольку в Горном Бадахшане по-прежнему отключены все виды связи». До самого вечера того дня другого ответа из МИДа я не получил. В это время друзья и коллеги предлагают свои варианты спасения ученых из возможного плена. Инициатива исходила почти от всех...

27 июля МИД дает однозначный ответ, что мертвых или раненных российских ученых на территории Памира официально нет. Этой информацией я делюсь со всеми людьми, переживающими за судьбу своих родных и близких. Напряженность перестает расти. Мы терпеливо продолжаем ждать новых известий из Таджикистана.

В ночь с 27 на 28 июля директор МНИЦ–ПЧ Александр Сергеевич Борисов обзванивает научные организации с отчетом, что их сотрудники, члены экспедиции живы и здоровы. Участникам экспедиции удалось дозвониться до Москвы! Хорошая новость молниеносно разлетается по Москве. Эпизодически общаться с родными и коллегами членам экспедиции удается лишь в начале августа.

В конце июля Александр Сергеевич Борисов вылетает в Таджикистан и пыта-

© В. Галкин

Путь был сложный. Машины с трудом преодолевали препятствия

ется прорваться к своим коллегам через внутреннюю границу ГБАО на Памир. Он объехал всю границу по периметру, а это многие сотни, тысячи километров, пытался «прорваться» через все КПП, но безрезультатно. Были применены все возможные способы и уловки. Но пограничники четко выполняли указания сверху — «не пускать никого». Александр Сергеевич возвращается в Ош и ведет координационные мероприятия с группой по телефону. Уговаривает всех вернуться с Памира. Но люди, посоветовавшись, принимают решение остаться и максимально выполнить экспедиционные задачи (!)...

— Александр Андреевич, начнём наш разговор с короткого, но чрезвычайно ёмкого вопроса. Как всё было?

Герой памирской экспедиции 2012 года, сотрудник МГУ — Александр

Андреевич Зубрило: — Подготовка к экспедиции и перелёт из Москвы в город Ош (http://ru.wikipedia.org/wiki/Ош_%28Киргизия%29) прошли нормально, без проблем. Встретили нас в аэропорту «Ош» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Ош_%28аэропорт%29) и отвезли на базу Памирской экспедиции, где участники экспедиции, как правило, проходят кратковременную акклиматизацию, подготавливают экспедиционный инвентарь, продукты и пр. имущество. После товарищеского ужина и короткого сна, рано утром (в 4 часа) экспедиция в составе 12 человек на двух машинах выехала на Памир.

Первые впечатления, после 18 летнего перерыва, о Восточно-Памирском тракте. Эта часть Памирского тракта соединяет город Ош со столицей Горного Бадахшана — Хорогом (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Хорог>).

Приятно удивила дорога, которую восстановили строители КНР. Это связано с большими потоками большегрузных автомашин, которые соединяют перевалочные торговые центры Кыргызской Республики (КР) и Китайской Народной Республики (КНР). Живописные и поражающие крутизной серпантин горных перевалов: пер. Чийирчик (высота 2402 м), пер. Талдык (3615 м) и пер. 40-летия Киргизии (3541 м) — стали шире, а асфальтовое покрытие позволяет взлетать на эти перевалы. Поэтому от Оша до Алайской долины мы буквально долетели, а дальше начались проблемы. Горный пейзаж Памира впечатляет. Однажды побывав в горах Памира, на всю оставшуюся жизнь остаёшься в плену этой сказочной горной системы. Не только горы, но прежде всего люди — жители Памира,

оставляют неизгладимый след в памяти своей доброжелательностью, вниманием и безотказностью.

Немного о дорогах и недрах Памира. Дорог не так много, но они по праву называются «дорогами жизни» Памира. Реконструированная в 1934 году дорога, связавшая Ош с Хорогом, позволила открыть автомобильное движение. И пошли непрерывным потоком машины с продовольствием, топливом и прочими грузами производственного и социального назначения. Памир преобразился. В настоящее время Китай помогает реконструировать старые дороги Хорог–Мургаб и строить новые Мургаб—перевал Кульма.

С 1932 года по 1990 годы были проведены многочисленные экспедиции геологов, географов, картографов, биологов. За это время была получена обширная информация о природных ископаемых. На Памире выявлено и подготовлено к освоению более 400 месторождений, среди которых можно отметить прежде всего: залежи серебра — порядка 400 тонн, бора — около 8 млн. тонн, свинца — 5 млн. тонн, цинка — 4,5 млн. тонн, никеля и олова — 13 тыс. тонн, ртути — 5 тыс. тонн, сурьмы — 250 тыс. тонн, меди — 123 тыс. тонн — и много других ценных металлов. Обнаружено более 80 типов самоцветов и поделочных камней, которые разбросаны по всему Памиру, от Мургаба до Ишкашима. Наиболее известные из них: амазонит, аметист, благородная шпинель, гранат, кварц, кордиерит, оливин, раухтопаз, рубин, рубеллит, сапфир, скаполиты, топаз, турмалины, яшма — и другие минералы. Однако, закрытость ГБАО (пограничная зона), труднодоступность и отсутствие развитой энергосистемы не позволили освоить эти месторождения. Были созданы небольшие цеха по первичной обработке драгоценных камней.

Большая часть Восточно–Памирского тракта проходит по живописным предгорьям Алайского хребта. Вдоль дороги большое количество новых домов. Чувствуется, что жизнь в этом районе Кыргызской республики налаживается. Однако, следы погромов ещё повсюду. Какая дорога в России без трактира, а на Памире без чайханы? Вот и мы сделали остановку

и воспользовались гостеприимством хозяев. Внешний вид и внутреннее убранство чайханы радовало глаз. Новое оборудование кухни и интерьер впечатляет.

Преодолев перевал Чийирчик и оставив позади село Гульча, мы увидели во всей красе и мощи Алайский хребет. Нам предстояло преодолеть один из самых сложных перевалов Памирского тракта, выделявшегося высотой перепада и своим серпантинном — перевал Талдык. К нашему удивлению, наши машины без особого труда преодолели его. Это стало возможным благодаря усилиям дорожных строителей КНР. Полотно дороги стало шире, а развязки на поворотах стали просторнее. Перевал 40–летия Киргизии уже не представлял сложностей. Преодолев его, мы въехали на Алайскую долину — кормилицу, способную прокормить многочисленные стада домашних животных, жителей Алая и прилегающих районов. Сюда везли овец на машинах узбеки и киргизы. Всем хватало места. Жили мирно и дружно.

От посёлка Сары–Таш дорога разделилась. На восток — отходит дорога к пропускному пункту на киргизско–китайской границе Иркештам и далее до Кашгара. На запад — через Джаргиталь автомобильная дорога на Душанбе. Нам же предстояло ехать в южном направлении через Алайскую долину, преодолевая самые высокие перевалы Заалайского хребта, на ПАМИР.

Как только выехали из центрального кишлака Алайской долины Сары–Таш, качество дорожного покрытия резко ухудшилось, что сразу сказалось на пассажирах нашего автотранспорта. Трясло как на вибростенде. Кроме того, погода резко ухудшилась: температура падала, а ветер усиливался. Скорость движения нашего каравана снизилась, а на нас надвинулась мгла: снег и дождь — всё смешалось. На перевал Кызыларт (4250 м) забрались и остановились, казалось, надолго — первый контрольно–пропускной пограничный пункт КР. Здесь мы впервые почувствовали какое-то напряжение и озабоченность на лицах пограничников, но не придали этому значения. Нам повезло: через час, который ушел на оформление наших документов, мы выехали с КПП КР.

Дороги Памира сложны не только своими перевалами, но и общей высотой над уровнем моря, что отрицательно сказывается на психофизическом самочувствии людей, совершающих быстрые подъёмы в горах. Это проявление горной болезни особенно опасно для шоферов. Им необходимо помогать и контролировать, чтобы они, по крайней мере, не заснули в результате действия горной болезни. Не говоря уже о более серьёзных проявлениях «горняшки». Так, сотрудника нашей экспедиции, ехавшего в кабине грузовика, укачало, его пришлось заменить. Поэтому перед выездом с КПП КР наш сотрудник, Владимир Игоревич Галкин, пересел «добровольно» в кабину машины.

Проехав несколько километров, мы снова сделали вынужденную остановку, въехав на КПП республики Таджикистан (РТ). Мы облегчённо вздохнули, предполагая, что нас встретят с распростёртыми объятиями. Жители Памира всегда были рады нашему появлению на Памире. Надо заметить, что это отношение к русским осталось у памирцев до сих пор. Это чувствовалось во всём. Однако, мы, к своему удивлению, провели на КПП РТ, продуваемом со всех сторон холодными ветрами Кызыларта, несколько часов. Это произошло по невнимательности пограничников КР. Уже здесь была заметна нервозность таджикских пограничников, которые долго изучали наши документы, выясняли цели нашей поездки. Чувствовалось, что они ждали каких-то указаний из Душанбе. Но и здесь мы не почувствовали угрозы для нашей экспедиции. Меньше знаешь, легче едешь.

Преодолев перевал Кызыларт, мы въехали в долину, в которой центральное место занимает одно из самых высокогорных и таинственных озёр Памира — озеро Каракуль. Оно находится в плоской горной котловине на высоте 3914 м и окружено пустынными скалистыми хребтами, всегда покрытыми снегами. В Каракуле, в чайхане, попили чай и снова в дорогу. Нам предстояло преодолеть самый высокий автодорожный перевал Памира — Ак–байтал (4665 м).

Дальнейший путь на Памир проходил во тьме, в быстро наступающей ночи.

© В. Галкин

Привал. На первом плане — Александр Зубрило

Не буду утомлять вас рассказом о разбитой дороге, местами с большими провалами, образовавшимися под напором бурных потоков горных рек. Отмечу только мастерство наших шоферов, их большой опыт и знание памирских дорог. Так что в город Мургаб въехали в 2 часа ночи.

О перевале Ак-байтал мы вспомним при возвращении в Ош. Есть, что вспомнить. Не так часто приходится наблюдать смену сезонов: весна–лето–осень–зима–весна–лето, в течение нескольких часов. А мы эту прелесть испытали на себе. Впечатляет!

Переночевали в доме у сотрудника памирской экспедиции Хуршеда, проживающего в Мургабе, и рано утром выехали на наш полигон Ак-Архар.

Сразу отмечу, что мы с Владимиром Игоревичем Галкиным, профессором МГУ, поднимались без предварительной подготовки и акклиматизации. Горная болезнь начала сказываться ещё в дороге и обострилась уже на Ак-Архаре. Однако, ограниченное время проведения работ в горах не позволяло нам расслабляться, и мы выполняли свою работу.

— Когда Вы прилетели из Москвы — чувствовалась ли в регионе напряжён-

ность? Быть может, слухи нехорошие о грядущей контртеррористической операции уже начали гулять среди людей?

— И во время полёта из Москвы в Ош, и в аэропорту города Ош обстановка была спокойной. Члены нашей экспедиции обсуждали вопросы подготовки к подъёму на полигон «Ак-Архар». Время на экспедицию было ограничено, а проблем наверху много. Кроме того надо было подумать и о процессе акклиматизации. Время, проведённое в Оше, не позволило оценить общую обстановку, связанную с предстоящими событиями в городе Хороге. Я думаю, информация ещё не успела

дойти до Киргизии. В Мургабе так же всё спокойно. Затемно приехали, засветло уехали. Поэтому мы ничего напряжённо не заметили и в Мургабе. Однако при выезде из Мургаба была небольшая задержка...

— Будучи уже на Памире, Вы услышали о том, что где-то совсем рядом спроводится военная операция. Почему Вы не остались на одном месте, а смело, или, простите меня, даже безрассудно стали передвигаться на большие расстояния, подыскивая площадки для научного эксперимента?

— Трагические события в Хороге до нас дошли уже на полигоне «Ак-Архар». Информация была противоречивой, и сразу трудно было оценить всю опасность происходящего. Конечно, нас сильно взволновала информация о военных действиях в Хороге и больших жертвах среди местного населения — была такая информация, которую мы получали от местных жителей. Мы понимали, что произошла трагедия.

В горах всё ощущается по-другому, в том числе и опасность, с которой можно столкнуться. Горы не прощают любых ошибок и невнимательности. Поэтому в горах всегда приходится быть в напряжённом состоянии. Однако паниковать и распространять непроверенные слухи опасно. Мы на себе испытали всю мощь таких непродуманных обращений и решений. В результате, часть сотрудников нашей экспедиции не смогли попасть на Памир.

Кроме того, мы знали, что боевые действия ведут правительственные войска, основное поле боевых действий которых было в окрестности города Хорога, распространение военных действий вглубь Памира было маловероятно, хотя и возможно.

Это знание ситуации и знание народа Памира, который в случае необходимости помог бы нам избежать неприятных ситуаций, позволило нам начать свою работу по выбору нового полигона для строительства уникальной экспериментальной установки, которая позволит пролить свет на многие фундаментальные процессы, происходящие в глубинах вселенной.

Кроме того, приехать за тысячи километров и не выполнить работу, которую

нам поручила Родина, мы не могли. Нас так воспитали — раньше думай о Родине, а потом о себе. Сотрудники МГУ и сегодня стараются воспитывать наших студентов в том же духе.

Внешняя среда негативно влияет на многих студентов, но не на всех. Слава тебе, МГУ!

— Удавалось ли поддерживать связь с родственниками? Как успокаивали свою супругу, поскольку вся Россия уже знала, что на Памире тяжелая обстановка?

— Да, верно, ситуация накалялась, до нашего сознания стало доходить, что наши родственники и коллеги сильно волнуются, зная, что мы поднялись в горы, а по заданию мы должны были посетить и город Хорог, для проведения переговоров в местном университете о Международной школе по физике сверхвысоких энергий. Хотя, зная нас, они понимали, что мы просто так не подставимся и не сдадимся. Поэтому мы воспользовались спутниковой связью. Связь была неустойчивой, но всё же удалось дозвониться до дома и рассказать, что у нас всё нормально, мы живы и здоровы. Одновременно мы узнали, что информация по СМИ идёт противоречивая, но всё же угрожающая. Мы заверили родственников, что специально подставляться не будем. Но на душе было тоскливо, чувствовалось, что родственники не очень верят нашим заверениям, думая, что мы их просто успокаиваем.

— А как складывались отношения внутри вашего коллектива физиков-исследователей? Как принимались решения? Были ли споры, относительно стратегического поведения всей группы в памирском регионе?

— В горах за всё отвечает руководитель экспедиции. На нём вся ответственность — за жизнь участников экспедиции и за принятые решения по работе. В нашей экспедиции эта ответственность лежала на Николае Петровиче Дацкевиче, который осуществлял руководство на Ак-Архаре. Если бы ни он, думаю, кое-кому было бы очень и очень плохо. Спасибо, Николай Петрович, за внимание и понимание наших проблем. Это может сказать любой участник нашей группы, поднявшейся на Ак-Архар. Экспедицией

же руководил Виталий Сергеевич Пучков, ожидавший в Оше на базе Александра Сергеевича Борисова. Они вместе должны были подняться на Памир.

Обсуждения по основным научно-техническим вопросам проходили с пониманием ситуации и ответственности за свои предложения, главное, спокойно и без давления. Только аргументы, поясняющие предложение участников обсуждения вопросов, являлись основным критерием при принятии решения. Споры в горах вещь опасная, поэтому мы старались не доводить обсуждение основных проблем до споров.

Выбирая новый полигон, пришлось пройти и осмотреть территории предполагаемых полигонов вдоль и поперёк и даже пришлось рыть траншеи, чтобы определить глубину протекания грунтовых вод. Выбор нового полигона определялся задачей, решаемой новой экспериментальной установкой, условиями строительства инфраструктуры для обслуживания аппаратуры, надо было думать о расширении существующего эксперимента и разработки новых экспериментов.

Кроме того, необходимо было думать и о расширении тематики проводимых экспериментов, учитывая уникальные геофизические условия высокогорного Памира. Памир можно использовать как своеобразную естественную лабораторию для междисциплинарных высокогорных учебно-научных исследований: астрофизических, почвоведения, медицинских, биологических, географических, геологических и др.

Это особенно важно, учитывая растущий интерес научных организаций к междисциплинарным высокогорным исследованиям, связанным с изучением воздействия различных астрофизических факторов в атмосферных и тропосферных процессах, в биологии, палеонтологии и земледелии, в гидрологии и гляциологии, в сейсмологии и геологии. Поскольку даже в самых лучших современных лабораториях мира невозможно воспроизвести сложный комплекс условий внешней среды, имеющих на больших высотах над уровнем моря.

Создание научной базы на Памире в кишлаке Чечекты на территории био-

Экспедиция прибыла на полигон «Ак-Архар». Снежная лавина разрушила почти все строения... Людям предстояло здесь заново создавать условия для жизни

станции было предложено участниками международного научного семинара «Актуальные задачи и первые результаты деятельности Международного научно-исследовательского центра «Памир—Чакалтая»», проходившего 21—22 апреля 2011 года, в Душанбе. Предлагается, что на этой научной базе студенты Университета Центральной Азии и Хорогского университета будут проходить практику в тесном взаимодействии с учёными, работающими в МНИЦ-ПЧ.

— Если бы еще раз Вы оказались в той ситуации, как повели бы сейчас? Какие решения бы приняли?

— Всё определяется поставленной задачей, а ситуация, в которой мы оказались, являлась фоном, на котором и принимались решения. Участники памирской экспедиции и раньше неоднократно попадали в экстремальные ситуации, проводя работы на Памире. Но всегда находили правильные решения: не паниковали и только в особо опасных случаях уходили

в кишлак Мургаб под защиту пограничников, как это было в 1991 году, когда душманы захватили Хорог и двинулись в сторону Мургаба. Я думаю, мы и в этот раз принимали единственно правильные решения. Поэтому ещё живые.

Однако, ситуация меняется и появляются новые задачи, которые радикально меняют подход к организации учебно-научной работы на Памире. Учитывая растущий интерес научных организаций к междисциплинарным высокогорным

исследованиям, связанным с изучением воздействия различных астрофизических факторов в атмосферных и тропосферных процессах, в биологии, палеонтологии и земледелии, в гидрологии и гляциологии, в сейсмологии и геологии, МГУ (ректор, академик РАН Виктор Антонович Садовничий) предлагает создать Международный учебно-научный центр «Памир — Тянь-Шань». Для совместной подготовки национальных кадров республик среднеазиатского региона и выполнения многоцелевых учебно-научных и научно-исследовательских задач на Памире и Тянь-Шане. Это предложение активно поддерживает Академия наук Таджикистана (Полномочный представитель Правительства Республики Таджикистан в МНИЦ-ПЧ, Президент академии наук РТ, академик АН РТ Мамадшо Илолович Илолов), директор Международного научно-исследовательского центра «Памир-Чакалтая» Александр Сергеевич Борисов.

Поэтому новые решения будут определяться задачами Международного учебно-научного центра «Памир — Тянь-Шань». Поскольку этот центр по определению международный, то решение о его создании принимается на межправительственном уровне СНГ. Пора возобновлять совместные научные исследования на Памире и приступать к совместному освоению месторождений драгоценных и цветных металлов, самоцветов и поделочных камней, ранее открытых выдающимися учёными России и Советского Союза, исследователями Памира и Тянь-Шаня. Их самоотверженный труд на благо нашей Родины не должен быть предан забвению. Мы помним, что многие из наших соотечественников посвятили свои жизни исследованиям Памира и Тянь-Шаня, а некоторые заплатили и жизнью за эти исследования. Надеемся, что руководители СНГ со вниманием и пониманием отнесутся к нашему предложению о создании Международного учебно-научного центра «Памир — Тянь-Шань». В настоящее время инициативная группа разрабатывает программу и устав Центра.

— Александр Андреевич, Памир очень суровый регион. Я знаю, что почти

в каждой экспедиции на Памир случаются чрезвычайные происшествия. Кто-то от перепада высот начинает задыхаться до смерти, кто-то разбивается о камни... Вы были очевидцем почти всех несчастных случаев. Это ведь очень тяжело... Как Вы справлялись с таким тяжелым психологическим грузом?

— Вы правы, горы не прощают ошибок. Очень часто пренебрежение к процессу акклиматизации приводит к трагическим последствиям.

Есть основания считать, что многие трагические события в горах являются следствием горной болезни. Симптомы этой болезни разнообразны и для каждого человека индивидуальны. Она может развиваться медленно, но может проявить себя и внезапно, потерей сознания. Что особенно опасно при сложных восхождениях или управлении транспортным средством в горах. Сколько машин сорвалось в пропасть, унося с собой человеческие жизни, и не сосчитать. Много машин пропали бесследно, уносимые бурными потоками горных рек на узких дорогах Памирского тракта, проходящего вдоль Пянджа.

Однако трагедии на Памире случались и на, казалось бы, безопасных участках Памирского тракта. И всему вина - горная болезнь, когда человек, управляющий машиной, за короткий промежуток времени переутомляется и засыпает. Поэтому шофера Памирского тракта всегда брали с собой попутчиков, договариваясь с ними, чтобы они не давали им заснуть. Проверено лично мною. Малейшее несоблюдение этого договора, как правило, заканчивалось трагически.

Помню один такой трагический случай, который произошёл в 1990 году. Наша летняя памирская экспедиция подходила к концу, и большая часть членов экспедиции выехала в Ош, на Памирскую базу. Доехали до Мургаба, чтобы окончательно уложить вещи и пообедать. Перед самым выездом из Мургаба одна девушка, Лена Семейкина, почувствовала себя плохо, и было принято решение оставить её в гостинице Мургаба. В качестве сопровождающего оставили члена экспедиции Максима (фамилию не помню), который должен был приехать в Ош,

сопровождая Лену. Перепад высот мог вызвать недомогание у неё, как следствие горной болезни. А далее происходили события, которые можно объяснить только обострением заболевания Лены Семейкиной. Вечером того же дня они вместе с Максимом остановили автомашину и уговорили шофёра отвезти их на полигон Ак-Архар. Шофёр, только что поднявшийся из Оша, должен был переночевать в Мургабе, а с утра продолжить путь до Ишкашима. Это ещё порядка 400 км. Однако поехали — пренебрегая правилами. А дальше всё просто: во время движения все заснули и машина перевернулась. Лена Семейкина погибла, а Максима, с тяжёлой травмой позвоночника, доставили в больницу. Пренебрежение основными заповедями Памирского тракта приводит к трагедиям. Окончание этой трагической и поучительной истории мне рассказал в этом году (2012) сотрудник экспедиции Александр — наш дизелист, который в то время работал в автобатальоне памирского отряда пограничников.

Этой трагедии могло и не произойти. Обстоятельства, человеческий фактор, как принято теперь говорить, не позволили её предотвратить.

А трагедия началась ещё в городе Ош. Не буду рассказывать обо всех перипетиях этих событий, которые теперь выглядят трагикомически. Скажу только, что в событиях по спасению члена нашей экспедиции, которого унесли бурные потоки горной реки, были задействованы организации облисполкома города Ош, помогали альпинисты, которые обследовали ущелье. Был перекрыт водосброс плотины гидроэлектростанции почти на сутки, чтобы группа добровольцев, членов нашего отряда — студенты МГУ, смогла пройти по реке, в надежде найти хотя бы тело утопленника. А кончилась поисковая компания комично. Мальчик двухметрового роста в бурных ледяных потоках горной реки очнулся, ухватился за камни отвесной стены и вылез из воды. Провисел на стене всю ночь, обдуваемый ледяным ветром, а утром ему удалось найти подъём наверх ущелья. Там, наверху, он ограбил огородное пугало, поскольку был в плавках, и в таком виде к вечеру пришёл на базу.

Июль 2012 года, Памир. Участники экспедиции собрали из камней крест. Только одному Богу известно, что подвигло их на такой шаг и какие чувства переполняли людей в тот момент ...

Стало ясно, что эта группа не управляема и её нельзя поднимать на Памир. В состав этой группы входила и Лена Семейкина, которая была душой этой группы. Однако группа попала на Памир. Поскольку работы в экспедиции разноплановые, но в основном связанные с тяжёлой физической нагрузкой, то часть сотрудников выполняла работы на кухне. Так Лена оказалась на кухне. И здесь продолжились приключения. Не знаю, по какой причине, но Лена положила на клапан скороварки, стоящей на газовой плите, кирпичик (видимо для

того, чтобы быстрее сварилось) и вышла из кухни. Через несколько секунд произошёл взрыв — это взорвалась скороварка. Уничтожена была половина кухни. Лену спасла стена кухни, которая устояла. Да, горная болезнь проявляется разнообразно. Чувствовалось какое-то напряжение вокруг Лены. Жалко, не уберегли.

Прошло 22 года, а до сих пор помню. И как не помнить, когда погибает молодой человек, только-только входящий в жизнь.

— Александр Андреевич, я неоднократно слышал от разных людей рассказ

о Вашем героическом поступке. О том, как Вы спасли жизнь аспиранту МГУ, когда тот попал в руки бандформированию и наркоторговцев. Расскажите, пожалуйста, как всё было? И самое главное, почему после этого случая Вы не поставили свой крест на Памире, не завязали с экспедициями туда?

— Этот эпизод можно рассматривать, как анекдот. Дело было в Мургабе в 1994 году. Мы остановились в гостинице Мургабского отряда пограничников. Было поздно, и я уже спал, когда в дверь по-

стучался Алексей Дмитриев, член нашего памирского отряда, любитель ночных прогулок. Понятно, дело молодое. Дрожащим голосом он сообщил мне, что его задержали неизвестные ему вооружённые «люди» и требуют от него объяснений по поводу его появления в Мургабе. Они предположили, что его визит связан с вывозом свинца, принадлежащего памирской экспедиции. Этот свинец они (вооружённые «люди») присвоили себе, сами готовились его вывезти, а мы для них нежелательные конкуренты.

Я вышел на лестничную площадку и увидел двух вооружённых мужиков, похожих на душманов. С первых слов стало ясно, что они настроены серьёзно и, в случае неблагоприятного исхода переговоров, готовы положить нас прямо на этой площадке. В этом году бандформирования свирепствовали на Памире. Доходило до рукоприкладства, когда главари наркоторговцев избивали руководителей Хорога. Пограничникам было запрещено вмешиваться во внутренние дела памирцев.

Время на размышление не было, поэтому решение выхода из создавшейся напряжённой ситуации пришло мгновенно.

Перед отъездом на Памир я обсуждал с Александром Сергеевичем Борисовым проблемы дальнейшего существования памирской экспедиции. В процессе обсуждения затрагивались и проблемы финансирования работ на Памире. Вспомнили, что большую материальную помощь памирцам оказывает принц Карим Ага-хан IV — духовный лидер, имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов. А на Памире почти все коренные жители — исмаилиты, поэтому принц Карим Ага-хан IV непререкаемый авторитет для памирцев. Мы предполагали обратиться к нему за помощью, понимая, что он поддержал бы наше обращение, зная, что под его руководством действует организация Aga Khan Development Network, в рамках которой функционирует ряд социально-экономических, образовательных и культурных учреждений. Это обстоятельство сыграло решающую роль во время переговоров с вооружёнными «людьми» (намеренно сказано с искажением, — прим. автора) и спасло нам жизнь.

Я заявил, что мы приехали на Памир для продолжения совместных работ на международной Памирской станции и что эти работы проводятся под покровительством принца Карим Ага-хан IV. После этого настроение этих вооружённых людей резко изменилось: они извинились, поклонились и удалились.

Да простит меня «ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО».

Спасибо ему, мы живы и продолжаем работы, которые он непременно поддержал бы. Я верю в это.

И сегодня не поздно поддержать наши работы в рамках Международного научно-исследовательского центра «Памир-Чакалтая» и Международного учебно-научного центра «Памир — Тянь-Шань».

Будем признательны. Ведь делаем общее дело на благо всего человечества.

Вот и ответ на последнюю часть Вашего вопроса.

Чтобы лучше понять и проникнуться в атмосферу того времени, я встретился с другим Героем памирской экспедиции, профессором МГУ — Владимиром Игоревичем Галкиным.

— Владимир Игоревич, в эту экспедицию на Памир Вы отправились впервые. Какие ощущения? Открытия и разочарования?

Владимир Игоревич Галкин: — Да, это была моя первая экспедиция на Восточный Памир. Готовился я к ней очень долго.

36 лет назад, будучи студентом физфака, я собирался в обычную для того времени памирскую экспедицию. Это была эпоха рентгеноэмульсионных коллабораций, и сотрудничество «Памир» каждое лето собирало людей по всему Союзу для разборки и сборки своих камер. В тот раз меня не пустил врач, обнаружив повышенное кровяное давление — дело было после сессии. В то время я уже принадлежал кафедре космических лучей и физики космоса и внимательно следил за высокогорными экспериментами. В последующие годы возможности поехать летом на Памир не представилось, но я долгие годы работал вместе с членами Памирской коллаборации и был в курсе этих экспериментов. Остановка экспериментов

после развала СССР была неизбежна, но все равно она произвела на космиков гнетущее впечатление.

Сейчас ситуация постепенно меняется, опять есть возможность использовать уникальные условия Памира в интересах науки. Я использовал первый же представившийся мне шанс попасть в легендарное уже ущелье Ак-Архар, увидеть эти удивительные горы, вдохнуть их воздух и одновременно, вместе с коллегами-единомышленниками, открыть новый этап космических экспериментов. Одним словом — ощущения богатые. Это касается и природных условий — горы разнообразны, можно выбрать полигон, соответствующий и физической задаче, и человеческих отношений. Об этом хочется сказать подробнее. Я знаю многих людей, в разные времена работавших на Памире. Попав этим летом в экспедицию и оказавшись в обществе едва знакомых мне людей, я ощутил дух того самого сотрудничества, формально распавшегося лет 20 назад. Рядом с этими людьми не страшны никакие природные катаклизмы и социальные невзгоды.

Трудности все-таки были, они исходили от политиков, но обычные люди умеют эти трудности преодолевать.

— Какая часть экспедиции с научной точки зрения Вас интересовала больше всего?

Владимир Игоревич Галкин: — Мое пребывание на Памире было почти исключительно связано с выбором места для новой установки «Памир-XXI», предназначенной для изучения энергетического спектра и массового состава первичных космических лучей сверхвысоких энергий, по характеристикам создаваемых ими широких атмосферных ливней. Мои ожидания полностью оправдались — потрясающая плоская равнина размером, примерно, 5 км на 2 км, окруженная венцом невысоких гор, была найдена и размечена под строительство «Памир-XXI». В настоящий момент туда проложена дорога, уже стоят жилые модули, скоро будет смонтирована энергетическая станция.

— Какие советы Вы дадите тем, кому суждено впервые будет вступить с экспедицией на земли Памира?

Владимир Игоревич Галкин: — Советы лучше спрашивать у опытных людей, для меня высокогорные работы — дело новое. Могу все же поделиться своим небольшим опытом. Прежде всего, не стоит относиться к экспедиции, как к прогулке. Это серьезное потрясение для новичка, даже если он уже знает, что такое горная болезнь, и готов к быстрым переменам погоды. Важно сознавать, что экспедиция — единый организм, и жизнь каждого подчинена общей цели, это особый тип человеческого сообщества, напомнивший мне коммуны. Человек, не способный этого понять, не сможет удержаться в экспедиции.

— Вы вошли в состав экспедиции со своими крупными научными задачами. Для их реализации требуются люди, определенная инфраструктура. Посетив Памир, увидев трудности региона — Ваши задачи претерпели изменения?

Владимир Игоревич Галкин: — Время покажет, насколько крупны наши задачи. Хотя мы намерены заниматься классическими проблемами физики космических лучей: спектр, массовый состав анизотропия, гамма-астрономия ультравысоких энергий... — они, по-видимому, относятся к разряду вечных. Действительно, для их решения требуются значительные ресурсы: дорогое оборудование, квалифицированные люди и инфраструктура. Про инфраструктуру я уже кое-что сказал, у меня создалось впечатление, что общая инфраструктура = строители + деньги. Строители есть на месте, про деньги спрашивать надо не меня. Дорогое оборудование (вместе со специфической экспериментальной инфраструктурой) создается физиками и инженерами при наличии денег. Про деньги опять не говорю, а квалифицированные кадры в некотором количестве есть как в Москве, так и на месте — в Таджикистане и Киргизии. О подготовке новых кадров могу сказать больше. Наш университет уже год занимается подготовкой молодых физиков из Таджикистана, по плану текущего учебного года к нам приедут четверо стажеров из Душанбе. Мы надеемся, что молодые коллеги будут участвовать в создании и эксплуатации новой установки.

Отдельный вопрос — привлечение коллег из стран дальнего зарубежья. Здесь существенную помощь нам могут оказать средства массовой информации, в том числе электронные. Конечно, мы используем и свои традиционные профессиональные связи.

Поскольку методы исследований и конструкции детекторов «Памир-XXI» оригинальны, мы ожидаем определенного интереса со стороны коллег и конкурентов.

Что касается трудностей региона, то они есть, но они были и раньше. Мы почувствовали на себе политическую нестабильность Таджикистана, но гораздо больше впечатляет стремление местных жителей к сотрудничеству и интерес к науке. Безусловно, присутствует и экономический интерес — новый крупный эксперимент дает работу местным жителям. В этом нет ничего плохого, поскольку занятость населения есть залог стабильности, а цена рабочей силы в Таджикистане заметно ниже, чем в России.

В любом случае, то, что я увидел в экспедиции, безусловно, вселяет оптимизм, которым я готов делиться с коллегами, студентами, чиновниками...

С вопросом об итогах экспедиции я обратился к директору МНИЦ-ПЧ (официально уже много лет он значится как исполняющий обязанности), заместителю начальника памирской экспедиции — Александру Сергеевичу Борисову, сотруднику ФИАН.

Александр Сергеевич Борисов: — Слава Богу, сейчас уже можно уверенно говорить, что Памирская научная экспедиция 2012 года, проводившаяся в рамках деятельности Международного научно-исследовательского центра «Памир-Чакалтая», успешно завершена. Все участники экспедиции, а это граждане России, Таджикистана, Киргизии и Казахстана, благополучно вернулись домой, а основные работы, запланированные на этот сезон, выполнены, хотя и со значительной временной задержкой, и немалыми прочими издержками.

Однако в этом году такой, в целом, успешный результат вовсе не является

тривиальным, учитывая те события и обстоятельства, которые сопровождали экспедиционные работы на Памире и разыгрывались, в основном, в Хороге — административном центре Горно-Бадахшанской автономной области, входящей в состав Республики Таджикистан. Более того, ретроспективно оценивая масштабы и последовательность этих событий, можно констатировать, что экспедиция Памир-2012 могла и вовсе не состояться. Ведь никто из российских участников экспедиции, которые обычно непосредственно руководят выполнением научно-исследовательских и экспериментальных работ, и на которых была возложена в этом году обязанность выступать в роли основного заказчика научно-исследовательских и строительных работ, связанных с созданием инфраструктуры нового научного полигона на Памире, могли и вовсе не доехать до Памира. Как, в конце концов, так и не удалось это сделать начальнику экспедиции, просидевшему на базе экспедиции в городе Ош (Кыргызская Республика) и отдававшему распоряжения по спутниковому телефону.

Особенностью экспедиции этого года было проведение большого комплекса работ в целях создания первичной инфраструктуры и обустройства нового полигона, необходимость чего возникла в результате схода весной 2010-го года снежной лавины на территории нынешнего полигона Ак-Архар и разрушения основного ангара, в котором размещалась рентгеномульсионная установка и проводились все экспериментальные исследования. Это катастрофическое по силе событие стало совершенно неожиданным и сильнейшим ударом, поставившим под угрозу само будущее исследований космических лучей на Памире. Тут стоит отметить, что за всю предыдущую 40-летнюю историю существования старого полигона, расположенного в урочище Ак-Архар, подобных по мощности лавин не наблюдалось, а тем более каких-либо производимых ими разрушений. Хотя в ходе экспедиции 2011 года удалось возвести новый ангар непосредственно над небольшой по площади двухъярусной установкой и продолжить проведение эксперимента,

Типичные ландшафты Восточного Памира вблизи нового полигона Караташ. Эта и все последующие фотографии (кроме портретных) сделаны вне «московского» этапа экспедиции

финансируемого Минобрнаукой России, стало очевидным, что из-за глобальных климатических изменений, затронувших и Памир, дальнейшая эксплуатация прежнего полигона, расположенного в достаточно узкой щели среди гор, стала небезопасна. Российское Правительство, выполняя свои обязательства по межправительственному Соглашению, учредившему МНИЦ–ПЧ, после настойчивых обращений и мучительных согласований выделило РАН в 2012 году финансовые средства на восстановление экспериментальной базы МНИЦ–ПЧ на Памире и перебазирование памирского полигона на новое лавинобезопасное место.

Возможность перебазирования экспериментальной базы на новую площадку открыла реальную перспективу для давно вынашивавшегося проекта модернизации рентгеноэмульсионной установки и создания на ее базе современной комплексной установки, включающей в себя различные оптоэлектронные детекторы заряженных частиц, площадью не менее 1 кв. км. Вписать такую установку в узкое урочище Ак–Архар, практически, невозможно, а получить средства на строительство инфраструктурных объектов нового полигона без утвержденного проекта — тем более нереально. Поэтому, такой поворот событий был многими воспринят как по-

дарок судьбы. Оставалось только эффективно распорядиться предоставленными средствами и наиболее оптимально и быстро решить ряд непростых задач.

Первой из них был поиск и выбор площадки под новый полигон, причем такой, чтобы она удовлетворяла ряду жестких требований, а именно: быть расположенной на высоте не менее 4200 м над уровнем моря, но — вблизи существующего полигона, чтобы удешевить перевозку оборудования и материалов; быть достаточно обширной, чтобы позволять развертывать на ней концентрические установки площадью нескольких квадратных километров; быть безопасной как в смысле

Долина реки Караташ глазами первопроходцев

защищенности от лавин и селей, так и несанкционированного вторжения посторонних лиц, но при этом иметь удобные подъездные пути, пригодные для большегрузного транспорта; иметь широкий круговой угол обзора, чтобы окрестные горы не мешали наблюдению космических лучей, проходящих под большими углами к зениту; обладать круглогодичными источниками питьевой воды, но быть расположенной вдали от населенных пунктов и транспортных путей, чтобы не создавать помех для оптических наблюдений в ночное время; более того, обладать исключительно хорошим астроклиматом, который не уступал бы возможностям знаменитой чилийской высокогорной пустыни Атака-

ма, являющейся Меккой для астрономов и астрофизиков Европы, США и Японии (именно там расположены и планируется разместить крупнейшие телескопы Европейской южной обсерватории, а также амбициозные проекты других международных астрофизических коллабораций).

И такое место на Памире нашлось всего в 40 км от нынешнего полигона, благо Восточный Памир представляет собой высокогорное плато со средней высотой ~ 3700 — 4000 м над уровнем моря. По климатическим условиям — это высокогорная пустыня с очень малым и равномерно выпадающим в течение года количеством осадков. Но, в отличие от чилийских Анд, здесь нет вулканов, а тем более, дейст-

вующих, да и серьезные землетрясения здесь очень редкие явления в силу особенностей тектоники региональных литосферных плит. Выбранная для нового полигона идеально ровная площадка находится у подножия Южно-Аличурского хребта в широкой, изолированной долине, окруженной невысокими холмами и земляным валом, защищающим въезд в эту долину. Через эту долину, шириной не менее 1,5 км и длиной около 5 км, расположенную на высоте 4250 м, протекает небольшой ручей Караташ. А в 6-ти км от выбранного места расположено красивейшее и очень рыбное высокогорное озеро Колучкуль, из которого вытекает достаточно мощный поток, питающий речку

Долина Караташ

© А. Борисов

Ручей Караташ

© А. Борисов

Озеро Колучкуль

© А. Борисов

Проложенная в долину Караташ
дорога

© А. Борисов

Строительство нового полигона Караташ

Аличур. Чтобы попасть на озеро из лагеря на новом полигоне, достаточно подняться вдоль Караташа, а затем перевалить через небольшой бугор.

Но выбор этой площадки не был простым, а скорее был даже драматическим. Дело в том, что на конец 2011 года было несколько других кандидатов на размещение нового полигона, разведанных на местности в ходе изыскательских работ 2010-2011 гг., а полигон Караташ был найден «виртуально» с помощью программы Google Earth (Планета Земля), позволяющей просматривать и анализировать снимки поверхности Земли, полученные из космоса американскими спутниками. На наше счастье, снимки Восточного Па-

мира высокого разрешения выложены в Интернете в свободном доступе.

Тем не менее, на первом этапе экспедиции предстояло посетить все подобранные для нового полигона площадки и выбрать оптимальную, с учетом всех многочисленных нюансов, которые из космоса не видны.

Экспедиция Памир-2012 стартовала 14 июня из города Ош, в котором я вместе с представителем Минобрнауки РФ оказался на этот раз, не прилетев, как обычно, прямым рейсом из Москвы, а въехав на территорию Киргизии из сопредельного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, где мы побывали в его столице — Урумчи и административном центре

крупнейшего уезда — Кашгаре, который наполовину ближе к Памиру, нежели город Ош, откуда начинается Памирский тракт, построенный еще в советское время. В Китае мы встречались с нашими коллегами, которые собираются принять участие в совместных проектах на Памире, и искали с их помощью подрядчиков на поставку и строительство на Памире быстровозводимых жилых модулей для персонала полигона, утепленного ангара, а главное — на поставку и монтаж гибридной электростанции для нового полигона, состоящей из ветрогенераторов и солнечных батарей. Познакомившись на месте с китайскими производителями и убедившись в высоком качестве их

Жилые модули и дизельная на полигоне Караташ

продукции, мы согласовали с ними технические задания на изготовление и поставку нужного нам оборудования и, воодушевленные увиденным, отправились в Ош и далее — на Памир.

В Оше к этому времени были уже готовы сборные жилые модули, изготовленные по нашему специальному заказу местной строительно-монтажной фирмой на основе 12-метровых морских контейнеров. Эти утепленные модули, предназначенные для круглогодичного проживания персонала полигона, а на этапе строительства — рабочих, были полностью укомплектованы сантехникой, включая душевые и туалетные кабинки, мебелью, электропроводкой, автономной централь-

ной отопительной системой на угле и солянке, и даже небольшой баней. В одном из контейнеров оборудована кухня и столовая на 16 посадочных мест. Оставалось лишь завести их на Памир трейлерами, устроить для них фундамент и подвести их под одну крышу, а также сделать для них септик. Колонна из четырех КАМАЗов, груженная жилыми контейнерами и сопровождаемая самосвалом с загруженным в его кузов экскаватором, выдвинулась на Памир днем ранее и фактически одновременно с нами добралась до контрольной точки встречи на тракте в непосредственной близи от потенциальных полигонов.

На следующий день мы провели разведку трех наиболее перспективных пло-

щадок, включая площадку вблизи озера Колучкуль, куда мы благополучно заехали на наших джипах по еле заметной колее, пробитой киргизами-пастухами к их летнему стойбищу. Эта площадка была последней в перечне посещенных нами мест, поэтому ее преимущества выглядели особенно ярко. Это был тот случай, когда увиденная картина только подтверждала самые позитивные выводы, почерпнутые из анализа космических снимков. Но бригадир команды шоферов КАМАЗов, сопровождавший нас в нашей разведывательной поездке, категорически заявил, что их трейлеры с 12-метровыми контейнерами не смогут преодолеть земляной вал, огораживающий въезд в представшую перед

Бетонирование площадки
под ангар

© А. Борисов

Завоз жилых модулей для нового
полигона

© А. Борисов

нашим взором долину, необходимо прокладывать дорогу, типа серпантин, чтобы завести длинномерные грузы. Поскольку простаивать в ожидании прокладки дороги шофера КАМАЗов напрочь отказались, пришлось разгружать контейнеры на лучшей из двух ранее осмотренных нами площадок, расположенной в конце длинного урочища недалеко от перевала Найзаташ, несмотря на то, что геометрические параметры этой площадки вызвали определенные сомнения. Впоследствии, когда рабочие приступили к возведению фундамента под жилые модули, окончательно выяснилось, что близость грунтовых вод будет постоянной головной болью для этого полигона. Но только после заезда на Памир основной московской группы участников экспедиции, включавшей двух сотрудников Московского университета Владимира Игоревича Галкина и Александра Андреевича Зубрило, принимающих активное участие в разработке проекта будущей установки и оценивших возможности всех площадок с точки зрения их пригодности для планируемых комплексных астрофизических исследований, окончательно выкристаллизовалась необходимость принятия радикального решения. Однако определяющим фактором, позволившем остановить строительные работы на площадке в районе перевала Найзаташ и приступить к освоению долины реки Караташ, стали события в Хороге, поставившие вопросы обеспечения безопасности на первое место. В этом отношении долина реки Караташ выглядела значительно более привлекательной. К этому времени и руководство строительной бригады морально созрело для передислокации на Караташ. В итоге, руководством экспедиции было принято решение о прокладывании дороги на Караташ, которая была достаточно быстро пробита в осадочном грунте благодаря умелому использованию экскаватора, оснащенного отвалом. К этому времени удалось раздобыть (вернее, восстановить собственными силами) в Мургабе автокран достаточной грузоподъемности, чтобы снять с фундамента контейнеры и перевести их трейлером на новое место. Строительные работы на Караташе пошли

с удвоенной скоростью, чему в немалой степени способствовал идеальный ландшафт и, главное, грунт новой площадки, которая была выбрана рядом с ручьем на слегка приподнятом месте. К настоящему времени завершена засыпка 3х-километровой дороги щебнем, модульные домики собраны и стоят на фундаменте, запущена отопительная система и смонтирована сантехника, забетонирована мощная площадка под ангар площадью 1200 кв. м, начат монтаж стальных ферм самого ангара.

Тут уместно вспомнить, что московские участники экспедиции, которые внесли решающий вклад в ее успех, заехали на Памир в день начала вооруженного противостояния в Хороге. На следующий день уже действовал жесточайший запрет на въезд в ГБАО всех иностранных граждан, за исключением граждан Кыргызстана (хорошо, что все наши строители из Оша относились к этой группе и смогли с минимальными издержками пересекать границу, доставляя на Памир грузы). Запрет на въезд в ГБАО российских граждан был снят только в начале октября после визита Владимира Владимировича Путина в Душанбе. До этого все оперативное управление ходом работ в экспедиции осуществлялось с помощью спутниковых телефонов и той информации, которую привозили с собою в Ош строители-киргизы.

Параллельно со строительными работами в конце августа — начале сентября на полигоне Ак-Архар велись работы по переборке 2х-ярусной рентгеномульсионной камеры с 2,5-метровым воздушным зазором, в ходе которых была снята проэкспонированная рентгеновская пленка с результатами годичного эксперимента и заложена на очередную годичную экспозицию новая партия пленки (всего 551 кв. м), которая была благополучно завезена из Москвы через Душанбе (самолетом) и бунтующий Хорог (автотранспортом) благодаря героическим усилиям наших таджикских партнеров. Проэкспонированная пленка тем же путем будет в ближайшие дни возвращена в Москву, где предстоит ее проявить, а затем приступить к измерениям и обработке экспериментальных событий. Мы рассчиты-

ваем, что проводимый нами на Памире эксперимент позволит ответить на вопрос о природе, так называемой, длиннопробежной компоненты космических лучей, аномально слабо поглощающейся в свинцовых калориметрах. Возможно, этот эффект связан с образованием экзотических частиц странглетов — массивных частиц странной кварковой материи, существование которой предсказывается теоретиками. Как ни удивительно, но аналогичный по своим задачам и даже близкий по методике эксперимент сейчас проводится на Большом адронном коллайдере (LHC) в ЦЕРНе (эксперимент CMS-CASTOR).

Со страниц нашего журнала я еще раз благодарю всех участников памирской экспедиции за уделенное ими время для интервью!

Моя статья подходит к концу. Я описал малую толику переживаний и разместил лишь официальные ответы моих сегодняшних героев. Я не знаю, по какой причине, возможно, из скромности, а возможно, по причине того, что героизм в данной ситуации может быть политически неверно истолкован таджикской стороной, но под диктофон все они говорили обтекаемо, сглаживали углы и ничего не сказали о том, как им было действительно тяжело психологически и физически. Жизни некоторых экспедиционных людей были в опасности. Приходилось даже искать местных «лекарей», чтобы как-то поддержать жизнедеятельность организмов. После возвращения русских ученых с Памира я несколько раз встречался с ними, пили вместе водку. Их рассказы были в тысячу раз ярче и страшнее. Люди попали в настоящий капкан. С одной стороны, важность научной миссии была неоспоримой. Правительства России и Таджикистана выделили деньги на экспедицию; большая земля ждала конкретных результатов. Срыв миссии неоспоримо означал бы остановку всех дальнейших исследований и финансирования. Срыв миссии 2012 года поставил бы крест на научном Памире на многие десятилетия вперед. С другой стороны, вырваться с Памира некоторым тяжело больным

Александр Андреевич Зубрило

Владимир Игоревич Галкин

Николай Петрович Дацкевич

членам экспедиции, а ими, помимо россиян, были таджики и киргизы, тоже не представлялось возможным, поскольку пересекать военную границу с лежащими больными — еще опаснее, чем искать пути излечения на месте. Наши коллеги попали в капкан, но не разругались (в поисках путей развития ситуации), не понесли человеческих жертв, а выполнили свою миссию, держась единым целым. Для меня русские ученые-исследователи: **Александр Андреевич Зубрило** (Московский государственный университет имени

М.В. Ломоносова — МГУ), **Владимир Игоревич Галкин** (МГУ), **Николай Петрович Дацкевич** (Физический институт имени П.Н. Лебедева Академии наук) — это люди, для которых наука стоит на вершине жизни. Причем не их собственной, а всей ноосферы в целом. Они готовы жертвовать собою ради поиска истины, ради прогресса всего человечества.

Я очень и искренне надеюсь, верю, что во множестве медалей, которые ежегодно присуждаются от имени Академии Президиумом РАН, найдется награда и для

трех российских ученых, не обремененных тяжелыми академическими регалиями и званиями, трём русским мужикам, которые, рискуя собственными жизнями, вели научное освоение Памира. Награда за смелость и отвагу. Награда за безусловное стремление к научным знаниям.

Прошу считать эту статью официальным обращением к Президиуму Российской академии наук.

Олег Морозов